

DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-1-163-201

Научная статья / Research paper

Ю.Ю. Мельникова*

СЕКЬЮРИТИЗАЦИЯ КНР В ДИСКУРСЕ НАТО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 2010-Х — НАЧАЛЕ 2020-Х ГОДОВ КАК ЧАСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ АЛЬЯНСА

*Российский совет по международным делам (РСМД)
119049, Москва, 4-й Добрынинский переулок, 8*

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

К началу 2020-х годов в выступлениях представителей Североатлантического альянса резко усилилась алармистская риторика в отношении внешней политики Китая и опасности укрепления его позиций в системе международных отношений. В 2022 г. за КНР был на официальном уровне закреплён статус государства, представляющего системный вызов странам блока. Эти активные попытки секьюритизации китайского фактора в риторике НАТО особенно примечательны тем, что их едва ли можно убедительно объяснить ссылками на традиционные соображения военно-политического, экономического или идеологического характера. В данной статье выдвигается гипотеза, что причины секьюритизации КНР в официальном дискурсе НАТО следует искать в процессах конструирования новой, глобальной идентичности альянса. Для проверки этой гипотезы в статье последовательно проанализирована эволюция коллективных самопредставлений альянса, начиная с холодной войны и вплоть до сегодняшнего дня. Так, показано, что в годы биполярного противостояния, когда Североатлантический альянс позиционировал себя как военно-политический блок, направленный на сдерживание «советской угрозы», его отношения с КНР развивались поступательно и конструктивно, несмотря

* Мельникова Юлия Юрьевна — кандидат политических наук, программный менеджер Российского совета по международным делам (РСМД); преподаватель кафедры региональных проблем мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: jmelnikova@russiancouncil.ru; ORCID: 0000-0001-7922-2498).

на политические и идеологические различия. В постбиполярный период, когда в НАТО активно обсуждали идею развития идентичности альянса в сторону «сообщества безопасности», фактор КНР вообще отошел на второй план. Внимание к Китаю в дискурсе НАТО существенно возросло в 2010-е годы, когда организация взяла курс на радикальное расширение своей роли в международных отношениях и соответственное позиционирование себя в качестве глобального актора безопасности. Однако, как подчеркивает автор, и в этот период не наблюдалось попыток секьюритизации Китая, и отношения по линии КНР — НАТО отличались позитивной динамикой. Перелом в официальной риторике НАТО произошел во второй половине 2010-х — начале 2020-х годов и был обусловлен как явной пробуксовкой процесса утверждения глобальной идентичности альянса, так и нарастанием великодержавного соперничества на мировой арене. С этой точки зрения активизация усилий по секьюритизации КНР объясняется внутренней логикой развития коллективной идентичности Североатлантического альянса и стремлением его руководства добиться большей консолидации союзников перед новыми стратегическими вызовами. Однако, как показывает автор, обострение отношений стран НАТО с Россией, традиционным «значимым другом» для блока, во многом обесмысливает попытки дальнейшей секьюритизации Китая, которые продолжаются сейчас скорее по инерции.

Ключевые слова: НАТО, Китай, КНР, ЕС, евро-атлантические отношения, сообщество безопасности, секьюритизация, коллективная идентичность, региональный комплекс безопасности, «значимый друг»

Благодарности: автор благодарит И.А. Истомина за советы по формированию исследовательского дизайна публикации и И.В. Болгову — за время, дискуссионные вопросы и ценные рекомендации, позволившие придать тексту концептуальную завершенность. Особую признательность автор выражает редакции за внимательное и бережное отношение к материалу на всех этапах его подготовки.

Для цитирования: Мельникова Ю.Ю. Секьюритизация КНР в дискурсе НАТО во второй половине 2010-х — начале 2020-х годов как часть формирования глобальной идентичности альянса // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. № 1. С. 163–201. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-1-163-201.

Yuliya Yu. Melnikova

**SECURITIZATION OF CHINA IN THE NATO DISCOURSE
IN THE LATE 2010S — EARLY 2020S:
TOWARDS A GLOBAL COLLECTIVE IDENTITY**

*Russian International Affairs Council (RIAC)
8, 4th Dobryninsky Pereulok, Moscow, 119049*

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

By the early 2020s, the NATO representatives have adopted an increasingly alarmist rhetoric regarding China's strengthening positions in the international relations. In 2022, the PRC was officially qualified as a 'systemic challenge' to the countries of the alliance. These attempts to securitize the Chinese factor in the NATO's discourse are particularly noteworthy since they can hardly be rationalized by traditional military-political, economic or ideological reasons. The author argues that these reasons stem from the NATO's search for a new, global identity. In order to test this hypothesis, the article traces the evolution of the alliance's collective self-representations from the Cold War period up to the present day. The author shows that during the Cold War, when NATO positioned itself as a military-political alliance aimed at deterring the 'Soviet threat', the alliance's relations with China developed steadily and constructively despite political and ideological differences. In the post-bipolar period, the Chinese factor has lost its importance even more, as NATO was actively considering the idea of repositioning itself as a 'security community'. Attention to the PRC in the NATO discourse increased significantly in the 2010s, when the alliance set a course towards a radical expansion of its mandate in international relations and self-representation as a global security actor. However, as the author emphasizes, during this period there still have been no attempts to securitize China, and relations between the PRC and NATO were marked by positive dynamics. The shift in the perception of the PRC in the NATO's official discourse took place in the second half of the 2010s — early 2020s and stemmed from the apparent difficulties in asserting the global identity of the alliance and the growing great-power rivalry in the international arena. From this perspective, increasing efforts to securitize the PRC could be ascribed to the continuous evolution of the alliance's collective identity and the desire of its leaders to close ranks in the face of new strategic challenges. However, the author shows that the deterioration of relations between NATO member states and Russia, a traditional 'significant other'

for the alliance, renders meaningless any further attempts to securitize China, which continue still more by inertia.

Keywords: NATO, China, PRC, EU, Euro-Atlantic relations, security community, securitization, collective identity, regional security complex, 'significant other'

About the author: *Yuliya Yu. Melnikova* — PhD (Political Science), Program Manager at the Russian International Affairs Council; Lecturer at the Chair of Regional Issues of World Politics, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: jmelnikova@russiancouncil.ru; ORCID: 0000-0001-7922-2498).

Acknowledgements: The author expresses her gratitude to Dr. Igor A. Isomin for his advice on the research design, as well as Dr. Irina V. Bolgova for her time, thought-provoking questions and invaluable recommendations. The author expresses special gratitude to the editorial board of the Lomonosov World Politics Journal.

For citation: Melnikova Yu.Yu. 2024. Securitization of China in the NATO discourse in the late 2010s — early 2020s: Towards a global collective identity. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 16, no. 1, pp. 163–201. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-1-163-201. (In Russ.)

Обострение великодержавной конкуренции к началу 2020-х годов актуализировало проблему «жесткой» безопасности для всех участников международного взаимодействия. Североатлантический альянс (НАТО), с момента окончания холодной войны находившийся в процессе постоянного переосмысления своей роли в международных процессах, столкнулся с необходимостью балансирования между региональным и глобальным направлениями деятельности. Поскольку масштаб задачи определяет специфику стандартизации военно-промышленных комплексов союзников, соответствующих смежных рынков и информационной политики блока [Rühlig, 2023], приоритетом для руководства и лидеров альянса стало обоснование потребности дальнейшего наращивания коллективного оборонного потенциала.

Исторически легитимация изменений в политике НАТО осуществлялась благодаря фактору общей угрозы. К началу 2020-х годов в выступлениях представителей Североатлантического альянса

участились упоминания Китая и опасности усиления его позиций в мировом порядке¹, и уже в 2022 г. за КНР был на официальном уровне закреплён статус государства, представляющего системный вызов странам блока². Этот шаг спровоцировал волну обсуждений в средствах массовой информации, экспертных и академических публикациях³, но разъяснить его необходимость оказалось непросто по ряду причин.

Во-первых, КНР не представляет непосредственной угрозы военной безопасности для большинства государств объединения: если американо-китайские столкновения могут произойти в Тихом океане, то для европейских стран альянса такая возможность практически исключена⁴. Пекин занимает второе место в мире по расходам на оборону, но китайский военный потенциал несопоста-

¹ См., например: Speech by NATO Secretary General Stoltenberg at the high-level NATO Conference on Arms Control and Disarmament // North Atlantic Treaty Organization. 25.10.2019. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_169930.htm (accessed: 28.03.2024); London Declaration. Issued by the heads of state and government participating in the meeting of the North Atlantic Council in London // North Atlantic Treaty Organization. 01.07.2022. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_171584.htm (accessed: 28.03.2024).

² NATO 2022 Strategic Concept // North Atlantic Treaty Organization. 29.06.2022. Available at https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept.pdf (accessed: 08.02.2024).

³ См., например: Kuo M.A. NATO and the China challenge: Insights from Lise Lotte Odgaard // The Diplomat. 12.04.2023. Available at: <https://thediplomat.com/2023/04/nato-and-the-china-challenge/> (accessed: 11.02.2024); How should Europe handle China? Annual report 2023 // Center for European Reform. 09.02.2024. Available at: https://www.cer.eu/sites/default/files/annual_report_2023.pdf (accessed: 11.02.2024); Legarda H. China and Russia bring NATO and the Indo-Pacific together // Mercator Institute of China Studies (MERICS). 26.07.2022. Available at: <https://merics.org/en/comment/china-and-russia-bring-nato-and-indo-pacific-together> (accessed: 11.02.2024); Ван И. НАТО или не надо? Стоит ли Европе считать Китай врагом // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 11.12.2019. Доступ: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/nato-ili-ne-nado/> (дата обращения: 11.02.2024).

⁴ К исключениям можно отнести Францию, исторически претендующую на особую роль в Индийском и Тихом океанах в связи с наличием обширных заморских территорий и постоянно размещенного в акваториях военно-морского флота. При этом в Стратегии Франции в Индо-Тихоокеанском регионе 2021 г. напрямую отмечено, что действия Китая нарушают баланс сил в этом пространстве. См. подробнее: France's Indo-Pacific Strategy // Ministry for Europe and Foreign Affairs. Available at: https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/en_dcp_a4_indopacifique_022022_v1-4_web_cle878143.pdf (accessed: 05.05.2024).

вим с американским и тем более — с кумулятивным потенциалом стран НАТО⁵. Кроме того, изменение баланса сил само по себе не является непременным условием формирования угрозы — возможен также сценарий аккомодации ревизиониста [Accommodating rising powers..., 2016]. Показательно, что в начале 2010-х годов выдвижение КНР в регионы, представляющие интерес для НАТО, в том числе в Центральную Азию, на Ближний Восток и в Африку, рассматривалось как повод для сотрудничества с Китаем⁶, а не для опасений.

Во-вторых, европейские страны НАТО сохраняют тесные экономические связи с КНР. В публичных выступлениях и официальных документах последних лет ЕС посылает противоречивые сигналы, характеризуя Китай как «партнера по диалогу, экономического конкурента и системного соперника»⁷, но взаимодействие по экономическим, научно-технологическим, климатическим вопросам продолжается, а объемы взаимной торговли растут⁸. Евросоюз не поддержал развитие торговой войны США и КНР в конце 2010-х годов, и эскалация в отношениях с Пекином не соответствует его интересам. Соответственно и экономическая логика не могла быть ключевым фактором при закреплении Китая как системного вызова для альянса.

Наконец, конструирование «китайской угрозы» также едва ли требовалось для укрепления материальной базы НАТО, например, за счет мобилизации военных бюджетов европейских государств-членов и долгожданного повышения их расходов на оборону. Этот процесс и так был активизирован на фоне конфликта между Россией и Западом вокруг Украины: к середине 2022 г. многие страны

⁵ SIPRI military expenditure database // Stockholm International Peace Research Institute. Available at: <https://www.sipri.org/databases/milex> (accessed: 11.02.2024).

⁶ Goldberg J. World chaos and world order: Conversations with Henry Kissinger // The Atlantic. 10.11.2016. Available at: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2016/11/kissinger-order-and-chaos/506876/> (accessed: 08.02.2024).

⁷ EU-China — A strategic outlook. Joint Communication to the European Parliament, the European Council and the Council, March, 2019 // European Commission. Available at: <https://commission.europa.eu/system/files/2019-03/communication-eu-china-a-strategic-outlook.pdf> (accessed: 08.02.2024).

⁸ China-EU: International trade in goods statistics // Eurostat. February 2024. Available at: [https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=China-EU_-_international_trade_in_goods_statistics#:~:text=EU%20and%20China%20in%20world%20trade%20in%20goods,-Figure%203%20shows&text=China%20\(€%20579%20billion,782%20billion%2C%203.9%20%25\)](https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=China-EU_-_international_trade_in_goods_statistics#:~:text=EU%20and%20China%20in%20world%20trade%20in%20goods,-Figure%203%20shows&text=China%20(€%20579%20billion,782%20billion%2C%203.9%20%25)) (accessed: 04.04.2024).

НАТО увеличили отчисления в совокупный бюджет⁹. Перестройка военной машины альянса под сдерживание Китая в свою очередь требует куда более серьезных затрат и, более того, в условиях кризиса архитектуры безопасности в Европе не отвечает тактическим интересам блока. На фоне эскалации конфликта с Россией исчезла необходимость поддержания «китайской угрозы» и в целях укрепления внутренней сплоченности, в том числе в сферах, не связанных с военными бюджетами напрямую.

Таким образом, вопрос о причинах секьюритизации Китая в евро-атлантической повестке при сохранении прежнего соотношения сил и образа действий Брюсселя и Пекина в 2020-е годы остается открытым. Академические исследования по теме при этом носят единственный характер и в России, и за рубежом.

Отечественные авторы в качестве одной из причин, обусловивших секьюритизацию КНР в дискурсе НАТО, называют стремление альянса в изменившихся условиях сохранить удобный для него «порядок, основанный на правилах» [Данилов, 2021]. Вторым по распространенности объяснением новой риторики блока в отношении Китая, характерным преимущественно для российских исследований, является рассмотрение расширения повестки дня НАТО через призму политики США по продвижению своих интересов в Азии [Ермаков, 2022; Батюк, 2022; Левандовский, 2022]. Как правило, такого рода исследования носят прикладной характер, что также не позволяет рассмотреть секьюритизацию КНР в более широком диахроническом контексте. Кроме того, сосредоточение исследовательского внимания исключительно на США представляется упрощением, поскольку интересы европейских стран альянса на китайском направлении достаточно ярко выражены. При этом можно констатировать, что в отечественной литературе практически нет исследований связи внутренней динамики межсоюзнических отношений и «китайской угрозы», а также влияния последней на евро-атлантическое единство и солидарность [Приходько, 2019].

Западные исследователи, говоря о причинах секьюритизации КНР в дискурсе НАТО, чаще всего указывают на внешние обстоятельства, прежде всего на общее обострение международного

⁹ Defence expenditure of NATO countries (2014–2023) // North Atlantic Treaty Organization. 07.07.2023. Available at: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2023/7/pdf/230707-def-exp-2023-en.pdf (accessed: 31.03.2024).

соперничества, связанное с трансформацией мирового порядка, которая стимулирует конкуренцию между странами НАТО и набирающим силу Китаем [Hooft, 2022; Herold et al., 2022; Vankovska, 2022]. В зарубежных работах преобладает восприятие этого процесса как объективного, неизбежно подталкивающего западные страны к симметричным действиям [Hooft, 2022]. Эмпирическим ограничением этого объяснения выступает отсутствие явного триггера для формирования «китайской угрозы», такого как резкий рост военного потенциала Пекина, резкая деградация экономического взаимодействия со всеми странами альянса или неожиданное изменение внешнеполитического курса КНР. При этом следует отметить, что политика НАТО редко изучается зарубежными авторами в исторической ретроспективе, и это представляется серьезным упущением.

Что касается внутренних детерминант секьюритизации КНР, то можно встретить предположения, что она была призвана укрепить позиции евро-атлантической бюрократии [Rynning, 2022]. Впрочем, эта гипотеза кажется не очень убедительной, поскольку за 75 лет у альянса сформировались различные общие практики, такие как гражданские миссии или учения, которые и так на постоянной основе содействуют институционализации и легитимации евро-атлантических структур. Вторая, «внутриполитическая» гипотеза указывает, что поддержание конструктивных отношений с КНР противоречит нормативно-ценностной идентичности НАТО [Bachna, Thayer, 2016]¹⁰. В качестве контраргумента можно выделить то обстоятельство, что в годы холодной войны ценности альянса и коммунистического Китая также различались, однако это не приводило к формированию «китайской угрозы» в повестке дня НАТО.

Наиболее системным исследованием роли фактора КНР во внутренней динамике развития Североатлантического альянса в настоящий момент является статья Дж. Майклса [Michaels, 2022]. В ней автор на исторических примерах показывает, что независимо от того, была ли китайская риторика НАТО положительной или отрицательной, разногласия между государствами-членами удерживали альянс от каких-либо проактивных действий по отношению к контрагенту.

¹⁰ Weissinger-Baylon R. et al. NATO — China relations: Charting the way forward // Center for Strategic Decision Research; China Institute for International Strategic Studies. 27.01.2022. Available at: <https://www.csdr.org/2022%20Events/NATO-China%20Relations%2001032021.pdf> (accessed: 04.04.2024).

По мнению исследователя, закрепить представления о «китайской угрозе» как общем вызове для блока сегодня и изменить его действия на китайском направлении получится, только если преодолеть эти внутренние разногласия.

В данной статье предпринимается попытка дополнить и развить линию рассуждений, заданную Дж. Майклсом, полнее раскрыв логику преественности в евро-атлантической политике на китайском треке. В этом контексте предлагается взглянуть на проблему секьюритизации КНР в начале 2020-х годов как на производную от усилий по укреплению коллективной идентичности Североатлантического альянса, а именно по созданию идентичности НАТО как глобального игрока, выявить ключевые детерминанты этого феномена и оценить перспективы его развития в современных условиях.

Безопасность и идентичность: конструктивистский ракурс

В статье используется конструктивистский подход, базовое положение которого по отношению к проблематике безопасности заключается в том, что опасность представляет собой не объективное условие окружающей среды, а социальный конструкт, результат специфических восприятия и интерпретации того или иного процесса или явления [Dittmer, 2005]. Подобное конструирование может происходить бессознательно, под воздействием глубинных мировоззренческих установок игроков либо за счет осознанного распространения этих установок лидером или элитами в социальной группе/объединении. В последнем случае открывается возможность сформировать у реципиентов «объективное» восприятие тех или иных событий; прочертить четкую границу между идеалом («верным» пониманием действительности) и его искажениями [Dittmer, 2005]. Наличие единого восприятия в свою очередь дисциплинирует отношения внутри сообщества, легитимизирует общие действия, позволяя лидерам сэкономить временные и имиджевые ресурсы, в противном случае необходимые для убеждения союзников в правильности выбранного курса [Истомин, 2023].

В рамках конструктивистского подхода можно выделить два направления мысли, которые имеют наибольшую объяснительную ценность для затрагиваемых в статье вопросов: это исследования Д. Кэмпбелла о связи идентичности государств и их подходов к фор-

мированию угрозы¹¹ и теория секьюритизации, предложенная так называемой Копенгагенской школой¹².

Работы Д. Кэмпбелла во многом заложили основу для теории секьюритизации. Исследователь утверждал, что количество рисков в мире слишком велико, чтобы акторы могли объективно оценивать, какие из них действительно представляют угрозу в тот или иной момент времени, а какие нет. В этой связи внешнеполитические элиты «выбирают» ту угрозу из существующего списка, которая убедительнее всего позволит сформировать коллективную идентичность на основе оппозиции «свой — чужой»¹³ и тем самым обосновать необходимость совместного существования [Campbell, 1992]. В интерпретации автора интересы безопасности не являются объективной реальностью для государства, а представляют собой целенаправленно созданный для поддержания его акторности продукт и исходный элемент для первого этапа формирования идентичности на основе отделения «себя» от «другого».

В развитие идеи Д. Кэмпбелла его последователи показали, что закрепление такой идентичности происходит за счет непрерывного производства и воспроизводства сформулированных представлений в дискурсе и на практике ответственными за национальную безопасность ведомствами [Krause, Williams, 1996]. В частности, работа Б. Бузана, О. Уэвера и Я. де Вильде углубила идею критических конструктивистов о роли практик, а именно дискурса, в процессе конструирования и использования угрозы для изменения коллективного поведения и поддержания общности. Этот процесс пере-

¹¹ Иногда их также относят к критической теории или же — срединный вариант — к критическому конструктивизму. В отдельных случаях наработки Д. Кэмпбелла приписывают и постмодернизму за счет их методологической ориентированности на дискурс-анализ и прямых отсылок к работам М. Фуко о первичности дискурса по отношению к реальности и ее восприятию.

¹² Копенгагенскую школу безопасности иногда также относят к неоклассическому реализму в зависимости от того, какое из ее положений играет центральную роль в картине мира исследователя — о первичности безопасности в системе ценностей государства или о конструировании угроз ей.

¹³ Данная бинарная оппозиция представляет собой один из основных концептов социальной психологии. Применительно к этническим и иным социальным группам один из ее основоположников Ф. Барт утверждал, что их существование и воспроизводство обусловлены именно наличием границ между ними и «другими». Это позволило сформировать понимание, что конституирование «себя» требует также наличия «чужого» [см. подробнее: Ethnic groups and boundaries..., 1969].

ведения события или явления за счет соответствующих нарративов в разряд экзистенциальной угрозы, требующей вмешательства на высоком политическом уровне, получил название «секьюритизация» [Buzan et al., 1998].

Представители Копенгагенской школы безопасности на основе своих исследований пришли к схожему с Д. Кэмпбэллом выводу, что повод для секьюритизации вовсе не обязательно должен быть связан с конкретным событием или действием со стороны контрагента; зачастую достаточно самого существования альтернативной модели, которая ставит под сомнение претензии идентичностей членов сообщества на статус единственно «правильных», «объективных».

Таким образом, инструментальное, критическое отношение к категориям «угрозы» и «опасности» сближает исследования Д. Кэмпбелла и представителей Копенгагенской школы, что позволяет совместить их теоретические наработки для решения поставленных в работе задач. В рамках первого подхода можно выявить логику формирования восприятия КНР странами НАТО в различные исторические периоды и объяснить, почему секьюритизация китайского фактора началась только во второй половине 2010-х годов. С помощью второго подхода появляется возможность проанализировать, как именно происходит этот процесс, чтобы сделать выводы о его потенциальной эффективности.

Идентичность НАТО: от военно-политического союза к сообществу безопасности

По завершении холодной войны изучение влияния коллективных самопредставлений на внешние действия Североатлантического альянса стало одним из основных направлений исследований политики объединения. В научной литературе сложилось несколько интерпретаций сущности НАТО: как военно-политического союза; сообщества безопасности; инструмента проецирования силы отдельных акторов, прежде всего США [Истомин и др., 2020]. Разнообразие интерпретаций во многом обусловлено тем, что они проистекают из оценки деятельности альянса с позиций разных теоретических подходов: неореализма [Waltz, 2000] и теории альянсов [Hendrickson, 1999; Morrow, 1993], конструктивизма и английской школы [Buzan, Schouenborg, 2018], неоинституционализма [Wallander, 2000] и т.д. Однако, на наш взгляд, указанные

интерпретации также могут быть рассмотрены и как взаимодополняющие — описывающие различные этапы развития объединения. В таком случае процесс формирования евро-атлантической идентичности можно представить как преемственный, что в свою очередь позволяет последовательно проследить, какую роль фактор КНР играл в конструировании коллективных самопредставлений НАТО на том или ином этапе.

Военно-политический альянс в эпоху холодной войны. Североатлантический альянс создавался с четко определенной целью сохранения присутствия США в Европе и сдерживания Советского Союза. Представления НАТО о своей роли в мире в биполярный период были географически компактными: оборонная структура блока носила позиционный характер, и попыток вмешаться в события вне Европы не предпринималось. Общность стран-участниц подкреплялась также приверженностью демократическим ценностям, указанным в ст. 2 Североатлантического договора¹⁴, капиталистической, а не социалистической модели развития [Karber, Combs, 1998].

Поскольку коллективная идентичность выстраивалась вокруг военно-политической составляющей и вплоть до распада СССР успешно воспроизводилась за счет «угрозы с Востока», ее чисто политические компоненты были вторичными: они не препятствовали ни расширению альянса за счет авторитарных, но необходимых для сдерживания СССР Греции и Турции в 1952 г., ни сближению с отнюдь не демократическим, но перешедшим на антисоветские позиции Китаем. Более того, в 1970-е годы американо-китайское сотрудничество позволило использовать взаимодействие с КНР как элемент укрепления евро-атлантической сплоченности на основе сдерживания СССР. Пекин получил доступ к программам подготовки альянса [Shambaugh, 1992], подписал контракты на закупку вооружений в Италии (комплексы противозенитной обороны), ФРГ (противотанковые вооружения), Франции (радиолокационные станции), Великобритании (моторы и комплектующие для истребителей) [Casarini, 2006]. Европейские страны призывали способствовать индустриализации Китая как потенциального союзника¹⁵, и на

¹⁴The North Atlantic Treaty, 4 April, 1949 // North Atlantic Treaty Organization. 19.10.2023. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_17120.htm (accessed: 11.02.2024).

¹⁵Middleton D. China looking to Western Europe for arms supplies // The New York Times. 14.04.1978. Available at: <https://www.nytimes.com/1978/04/14/archives/>

какой-то период его даже стали называть де-факто «16-м членом» евро-атлантического сообщества [Yi, Yang, 2023].

Соответственно для НАТО в этот период роль значимого «чужого» играл только СССР, а не КНР. Показательно, что попытки США сконструировать образ «китайской угрозы» в глазах союзников в 1960-е годы, после создания КНР атомной бомбы и начала американского вмешательства в войну во Вьетнаме, не привели к успеху [Michaels, 2022]. Нормализация отношений Вашингтона и Пекина во второй половине 1960-х — 1970-е годы, напротив, способствовала развитию плодотворного сотрудничества, несмотря на политические и идеологические различия. Это позволяет предположить, что логика поведения НАТО в отношении Китая в тот момент зависела не от того, представляет ли КНР угрозу военному потенциалу альянса, его системе ценностей или модели экономического развития его участников, но от того, оказывает ли политика Пекина влияние на сплоченность союзников как таковую.

Сообщество безопасности в постбиполярный период. Завершение холодной войны спровоцировало кризис идентичности НАТО, поскольку лежавшая в ее основе «советская угроза» исчезла. В 1990-е годы изучались возможности масштабирования самопредставлений альянса как военно-политического союза за счет конструирования образа нового «чужого» в Азии. Однако тогда эти идеи не получили развития ввиду географической удаленности региона от традиционной «зоны ответственности» НАТО, сложности в перестраивании военной машины под новые задачи, особенно на фоне расширения, и без того представлявшего вызов с точки зрения оперативной совместимости военных комплексов, а также по причине отсутствия явных идеологических предпосылок для запуска механизмов секьюритизации [Hemmer, Katzenstein, 2002].

В отсутствие значимых традиционных вызовов, инаковость которых могла бы подчеркнуть «правильность» модели функционирования НАТО, Брюссель начал активно искать для себя новые роли в международных процессах за счет акцентирования политического измерения объединения [Kitchen, 2009]. Объяснение такой эволюции и обоснование формирования новой идентичности были найдены

[china-looking-to-western-europe-for-arms-supplies-military-analysis.html](#) (accessed: 11.02.2024).

в рамках концепции «сообществ безопасности»¹⁶, под которыми понимались объединения суверенных государств, разделяющих взаимные ожидания мирных перемен [Security communities, 1998], т.е. интерпретирующих друг друга как «своих». При этом если стартовым условием для создания такого сообщества является, по мнению исследователей, наличие общего списка угроз [Security communities, 1998], то в дальнейшем эволюция коллективной идентичности идет уже за счет адаптации к изменениям среды [Pouliot, 2006], когда по мере накопления материальных ресурсов и институционализации общих практик управления зрелое сообщество безопасности может существовать и в отсутствие непосредственной опасности [Waever, 1998, Williams, Neumann, 2000].

Развитие идентичности НАТО в направлении сообщества безопасности нашло отражение в Стратегических концепциях 1991¹⁷ и 1999¹⁸ гг., в которых разрабатывались новые социальные роли для альянса, не связанные с обороной и сдерживанием: содействие демократическому транзиту новых членов союза, поддержание мира в Европе и урегулирование возникающих кризисов, прежде всего на Балканах, сохранение культурной общности государств-членов [Нам, 2001]. По мнению некоторых исследователей, в результате такого расширения компетенций к началу XXI в. альянс превратился в своего рода мировое общество, которое могло быть транслировано на глобальный уровень [Buzan, Schouenborg, 2018]. Столь же оптимистичными были и самопредставления Брюсселя: «Роль альянса была центральной в разработке новых моделей сотрудничества и развития взаимопонимания в Евро-Атлантическом регионе; НАТО взяла на себя обязательства по выполнению принципиально новых видов деятельности в интересах более широкого

¹⁶ Предпосылкой ее разработки послужил ранний труд К. Дойча о «территориях безопасности», посвященный позитивному влиянию общих ценностей на сотрудничество в области безопасности и написанный на основе опыта НАТО [Deutsch et al., 1957]. Во многом концепция описывала именно Североатлантический альянс как *sui generis* сообщество безопасности.

¹⁷ The Alliance's New Strategic Concept (1991) // North Atlantic Treaty Organization. 01.07.2022. Available at: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_23847.htm?selectedLocale=en (accessed: 11.02.2024).

¹⁸ The Alliance's Strategic Concept (1999) // North Atlantic Treaty Organization. 01.07.2022. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_27433.htm (accessed: 11.02.2024).

понимания стабильности в мире», — говорилось в Стратегической концепции 1999 г.¹⁹

Китай в 1990-е годы уже не играл для НАТО роль союзника против СССР/России и не принимал ни прямого, ни косвенного участия в обновлении идентичности блока, поскольку новые виды совместных действий в сообществе безопасности не предполагали вовлечения КНР. Расширение Североатлантического альянса в этот период ни с функциональной, ни с географической точек зрения не выходило за рамки традиционной «зоны ответственности», которая оставалась ограничена Евро-Атлантическим регионом. Соответственно ни проведение операций по кризисному урегулированию на Балканах, ни информационное сопровождение процесса расширения не предполагали какого-то специального акцентирования позиции Китая.

Сам Пекин также не демонстрировал интереса к интенсификации отношений. Более того, негативное влияние на двустороннее взаимодействие, фактически сведшее его на нет, оказали события на площади Тяньаньмэнь в 1989 г., а затем кампания НАТО на Балканах, когда в ходе бомбардировки Белграда в 1999 г. пострадало посольство Китая. Реакция Пекина была оправданно жесткой: специальный представитель КНР в ООН назвал произошедшее «варварской атакой НАТО»²⁰.

Тем не менее это не привело к ответным изменениям в риторике альянса о Китае: взаимодействие со странами вне Евро-Атлантического региона, кроме Японии, сохраняло низкую степень приоритетности для Брюсселя вплоть до середины 2000-х годов²¹. Конфликт с КНР не играл принципиальной роли для самопозиционирования НАТО и поэтому не акцентировался.

Глобальный альянс в начале 2010-х годов. Значимую роль китайский фактор приобрел уже в процессе формирования глобальной идентичности НАТО, когда на фоне кампаний альянса в Афганистане и Ираке в 2001 и 2003 гг. начал расти интерес блока

¹⁹ Ibidem.

²⁰ China, at Security Council meeting, registers strongest possible protest over attack against its embassy in Belgrade // United Nations. 08.05.1999. Available at: <https://press.un.org/en/1999/19990508.sc6674.r1.html> (accessed: 31.03.2024).

²¹ Lin C. NATO-China cooperation: Opportunities and challenges // ETH Zürich Center for Security Studies. 19.04.2012. Available at: https://www.files.ethz.ch/isn/141148/189_Lin.pdf (accessed: 31.03.2024).

к Ближнему Востоку и Азии. Он был обусловлен как объективной потребностью в координации действий с региональными государствами при проведении операций, так и основанным на успешной реализации совместных действий за пределами Евро-Атлантического региона стремлением к дальнейшему расширению сферы ответственности. Стратегическая концепция 2010 г.²² зафиксировала пик амбиций НАТО в отношении своей роли в международных отношениях. Для того чтобы реализовать их и обеспечить сохранение влияния Североатлантического альянса на международные процессы, нужно было обновить идентичность и закрепить ее расширенную, глобальную интерпретацию, которая бы убедительно обосновывала для всех стран блока необходимость использования национальных ресурсов в интересах безопасности в отдаленных регионах мира.

Для стимулирования качественного переосмысления коллективных самопредставлений был существенно пересмотрен в сторону расширения список актуальных угроз странам альянса: к ним были отнесены вызовы транснационального характера, в том числе международный терроризм, организованная преступность, распространение оружия массового уничтожения, а также традиционные государственные контрагенты, в число которых попали государства-изгои²³. Уверенность руководству НАТО в возможности и необходимости превращения блока в глобального провайдера безопасности придавали успешный опыт преодоления разногласий между странами-членами в ходе операций на Ближнем Востоке и перспектива включения в альянс Украины и Грузии [Heisbourg, 2020]. Проверкой готовности НАТО воспринимать себя в качестве гаранта глобальной безопасности могла стать операция в Ливии в 2010–2011 гг., однако неудачи, связанные с ее проведением, напротив, вскрыли неспособность большинства стран альянса брать на себя глобальную ответственность. Эти тенденции проявились и после начала гражданской войны в Сирии в 2012 г., в том числе в контексте спровоцированного данными событиями миграционного кризиса в Европе.

²² Strategic Concept for the Defence and Security of the Members of the North Atlantic Treaty Organization, 2010 // North Atlantic Treaty Organization. 03.02.2012. Available at: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_publications/20120214_strategic-concept-2010-eng.pdf (accessed: 11.02.2024).

²³ Ibidem.

Так или иначе, стремление НАТО взять на себя решение задач по поддержанию глобальной безопасности с неизбежностью ставило вопрос о переосмыслении отношений альянса с КНР. Рост активности как Брюсселя, так и Пекина в этот период привел к пересечению их интересов в ряде регионов: в Афганистане, Центральной Азии, Аденском заливе и Средиземном море, что предполагало как минимум необходимость координации текущих операций, а как максимум — развитие общих практик. В качестве отдельного направления потенциального взаимодействия выделялись борьба с последствиями природных катастроф и оказание гуманитарной помощи развивающимся государствам²⁴, что отвечало «антикризисному» измерению глобальной натовской идентичности. В итоге к началу 2010-х годов в дискурсе объединения участились упоминания КНР как потенциального партнера, взаимодействие с которым улучшает позиции альянса в Азии²⁵. Исследователи в этот период считали, что углубление сотрудничества могло бы содействовать превращению НАТО в глобальный хаб безопасности и сохранению политического веса блока в международных делах²⁶.

Практическим подтверждением возросшего интереса Брюсселя к Пекину стала институционализация их взаимодействия, начавшаяся с обмена визитами официальных лиц в конце 2009 — начале 2010 г. По итогам последнего такого визита занимавший тогда пост генерального секретаря альянса А. Расмуссен заявил, что КНР не является угрозой, более того, у НАТО и Китая много общих интересов и им необходимо дальше укреплять сотрудничество²⁷. КНР воспринималась как динамично развивающаяся держава, способная внести вклад в глобальную безопасность в качестве члена

²⁴Lin C. Op. cit.; Thiele R.D. Enabling cooperation via common situational awareness, pragmatic considerations on NATO-China cooperation // Institut für Strategie- Politik-Sicherheits- und Wirtschaftsberatung (ISPSW). March 2013. No. 220. P. 1–9. Available at: https://www.academia.edu/5920417/Enabling_Cooperation_via_Common_Situational_Awareness_Pragmatic_Considerations_on_NATO_China_Cooperation (accessed: 31.03.2024).

²⁵Secretary General's Annual Report, 2013 // North Atlantic Treaty Organization. 28.01.2015. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natolive/opinions_106247.htm (accessed: 31.03.2024).

²⁶Thiele R.D. Op. cit.

²⁷NATO has no intention to intervene militarily in Syria // Afghan Voice Agency. 30.06.2012. Available at: <https://www.avapress.com/en/interview/44220/interview-nato-has-no-intention-to-intervene-militarily-in-syria> (accessed: 11.02.2024).

Совбеза ООН и активного участника миротворческих миссий²⁸, а также как сторона, заинтересованная в разрешении конфликта в Афганистане²⁹. В развитие этой логики в 2012 г. политическое измерение сотрудничества было дополнено военным. Кроме того, была достигнута договоренность о проведении ежегодных переговоров на уровне профильных ведомств³⁰ с перспективой запуска программ совместной подготовки кадров. Выдвигались планы по налаживанию регулярного обмена мнениями в рамках форума по модели Совета Россия — НАТО³¹.

Два направления взаимодействия Брюсселя и Пекина рассматривались как особенно перспективные [Heisbourg 2020]. Прежде всего, это уже упомянутое урегулирование ситуации в Афганистане — участие военных и гражданских ведомств КНР в деятельности Сети миссий НАТО в Афганистане (Afghan Mission Network) и разработке общей операционной карты (Common Operational Picture)³². Второе направление — это борьба с сомалийскими пиратами в Аденском заливе и пиратством в целом. С 2008 г. военно-морские силы КНР осуществляли патрулирование в этом пространстве, что позволяло рассмотреть возможность проведения совместных операций и учений в регионе³³. В 2011 г. ВМС Китая вместе с ВМС НАТО осуществили антипиратскую миссию «Океанский щит» (Ocean Shield)³⁴.

²⁸ NATO Secretary General sets out strategic vision for a globally connected Alliance // North Atlantic Treaty Organization. 04.07.2012. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_88920.htm?selectedLocale=en (accessed: 31.03.2024).

²⁹ Joint press conference with NATO Secretary General Jens Stoltenberg, President Ashraf Ghani of the Islamic Republic of Afghanistan and US Secretary of Defense James Mattis — Secretary General's opening remarks // North Atlantic Treaty Organization. 28.09.2017. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_147254.htm?selectedLocale=en (accessed: 31.03.2024).

³⁰ NATO Military Delegation discusses cooperation with Chinese Authorities in Beijing // North Atlantic Treaty Organization. 17.02.2012. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natolive/news_84305.htm (accessed: 11.02.2024).

³¹ NATO — delivering security in the 21st century. Speech by NATO Secretary General Anders Fogh Rasmussen, Chatham House, London // North Atlantic Treaty Organization. 08.04.2013. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natolive/opinions_88886.htm (accessed: 31.03.2024).

³² Thiele R.D. Op. cit.

³³ Ibidem.

³⁴ NATO and China cooperate to fight piracy // North Atlantic Treaty Organization. 20.01.2012. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natolive/news_83585.htm?selectedLocale=en (accessed: 11.02.2024).

Вместе с тем конструктивное взаимодействие развивалось исключительно в зонах, удаленных от непосредственных границ альянса и относящихся к глобальному элементу его идентичности. Иные формы сближения вызывали тревогу у Брюсселя. Например, китайско-турецкие учения ВВС в 2010 г. были восприняты как неоднозначный шаг из-за возможной утечки в КНР тактических и разведывательных наработок НАТО³⁵. Аналогичную реакцию вызвали совместные китайско-польские учения военного медицинского персонала и других кадров, в том числе для миротворческих миссий. В 2009 г. началась дискуссия и о потенциальном соперничестве с КНР в области кибербезопасности³⁶. Однако эти обсуждения происходили еще в достаточно сдержанной тональности. «Безопасность должна быть результатом общих усилий <...> альянс должен быть осведомлен о глобальных процессах, иметь связи со всем миром и способность влиять на глобальные процессы, — говорил А. Расмуссен, — и для этого нужно более тесное сотрудничество с Россией, Китаем и ЕС»³⁷. Соответственно в этот период действия уже начавшего «расти» Китая не секьюритизировались, но в повестке дня альянса сформировалась устойчивая корреляция между глобальной идентичностью НАТО и «китайским фактором».

Актуальные самопредставления НАТО и место Китая в повестке дня альянса

Глобальный или региональный альянс? Во второй половине 2010-х — начале 2020-х годов Североатлантический альянс столкнулся с дилеммой. С одной стороны, добиться интернализации союзниками глобальной идентичности образца 2010 г., как было отмечено выше, не удавалось в полной мере. Начало конфликта между Россией и Западом вокруг Украины в 2014 г. усилило сомнения ряда стран НАТО из Центральной и Восточной Европы в необходимости поддержания фокуса объединения на глобальных, а не региональных задачах. Приход к власти в США администрации Д. Трампа, скептически настроенного в отношении альянса и вклада

³⁵ Wolf J. China mounts air exercise with Turkey, U.S. says // Reuters. 09.10.2010. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-china-turkey-usa-idUSTRE6975HC20101008/> (accessed: 11.02.2024).

³⁶ NATO Review — China and the West: Keyboard conflicts? // YouTube. 12.05.2010. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=v054q52jmDI> (accessed: 08.02.2024).

³⁷ NATO Secretary General sets out strategic vision for a globally connected alliance...

европейских союзников в его жизнеспособность, придал новый импульс развитию идей европеизма и способствовал укреплению оборонных возможностей в рамках ЕС, направленных на обеспечение безопасности в своем регионе и по его границам. В этих условиях требовались дополнительные усилия со стороны руководства НАТО как для поддержания центростремительных тенденций в принципе, так и для убеждения союзников в необходимости масштабирования совместной деятельности и несения ответственности за глобальную безопасность [см. подробнее на эту тему: Мельникова, 2021]. С другой стороны, на фоне усиления великодержавной конкуренции транснациональные вызовы потеряли свою остроту, а значение традиционного измерения безопасности возросло.

Для осмысления своего положения в изменившихся международно-политических условиях был запущен процесс #NATO2030 по разработке новой стратегической концепции альянса с привлечением дипломатических, общественных и экспертно-аналитических кругов. В его рамках секьюритизация Китая началась именно в развитие логики укрепления идентичности, но построенной уже не на взаимодействии с партнерами по всему миру в преодолении транснациональных вызовов, а на возможности противостоять любым игрокам в глобальном масштабе. Вехами этого процесса стали программное выступление генерального секретаря блока Й. Столтенберга летом 2020 г.³⁸, а также публикация доклада экспертной группы «#NATO2030: вместе в новую эру» в конце 2020 г.³⁹ В обоих текстах было представлено концептуальное обоснование необходимости для НАТО перейти к глобальному восприятию безопасности, повысить внимание к событиям в мире, налаживать сотрудничество только с «ценностно близкими» государствами Азии, чтобы «сохранить возможность устанавливать нормы и стандарты в глобальном масштабе»⁴⁰ и не допустить осыпания порядка, осно-

³⁸ Remarks by NATO Secretary General Jens Stoltenberg on launching #NATO2030 — Strengthening the alliance in an increasingly competitive world // North Atlantic Treaty Organization. 08.06.2020. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_176197.htm (accessed: 31.03.2024).

³⁹ NATO 2030: United for a New Era // North Atlantic Treaty Organization. 25.11.2020. Available at: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2020/12/pdf/201201-Reflection-Group-Final-Report-Uni.pdf (accessed: 12.02.2024).

⁴⁰ Ibidem.

ванного на правилах, не потерять свои конкурентные преимущества перед растущими державами, прежде всего Китаем.

Однако переход конфликта между Россией и Западом в новую фазу в 2022 г. изменил внешние условия функционирования НАТО. Обрушение архитектуры безопасности в Европе сняло остроту необходимости адаптации идентичности к формированию многополярного миропорядка. Повысить сплоченность государств-членов в короткие сроки удалось за счет восстановления привычной формы идентичности — направленного на сдерживание Москвы регионального военно-политического альянса. Планы по глобальной экспансии соответственно утратили первостепенное значение, а поиск «значимого другого» на азиатском направлении потерял свою актуальность. В связи со столь резким изменением международно-политических условий дискурс НАТО о себе сегодня сохраняет внутреннюю противоречивость: в нем по инерции остаются элементы курса 1991–2010 гг. на расширение функциональной, географической и смысловой сфер ответственности, но в качестве основы самопозиционирования выступает противодействие Москве как привычной конвенциональной угрозе.

Яркой иллюстрацией смещения фокуса является Стратегическая концепция 2022 г.⁴¹: большую часть документа занимает описание военных средств поддержания безопасности и «свободы» стран НАТО — различных форм наращивания обороноспособности альянса. Акцент сделан именно на защите объединения, а не на экспорте своей модели безопасности. Если в документах 1999 и 2010 гг. перед блоком ставились три задачи: предотвращение кризисов, кооперативная безопасность и коллективная оборона, то к 2022 г. последняя превратилась в «оборону и сдерживание», выйдя на первый план⁴². Среди основных целей в новейшей концепции указаны прежде всего разработка способов реагирования на угрозы и приведение политики, возможностей и структуры управления альянсом в соответствие с ними.

Если рассматривать угрозы и вызовы как образ «чужого», то они стали более конкретными: распространение оружия массового

⁴¹ NATO 2022 Strategic Concept...

⁴² На втором и третьем местах расположились соответственно предотвращение кризисов и кризисное регулирование; безопасность на основе сотрудничества в сложившемся мировом порядке.

уничтожения, терроризм и киберпреступность были перенесены в конец документа, а стратегическая конкуренция держав, усиление авторитаризма и постоянная нестабильность — в начало. Показательно, что в период разработки концепции главным обоснованием необходимости повышения глобальной роли НАТО выступали усложнение внешней среды и рост неопределенности, но в итоговом документе они заняли последнее место среди причин снижения безопасности альянса, уступив действиям России и Китая⁴³. Соответственно можно отметить менее проактивный характер НАТО после 2022 г. и большую функциональную ограниченность идентичности блока. Более того, в 2023 г. в выступлениях генерального секретаря альянса всё чаще стала звучать мысль о региональном масштабе объединения⁴⁴. С точки зрения противопоставления «свой — чужой» роль последнего выполняет прежде всего Россия, а затем Китай как растущие центры силы, бросающие вызов «порядку, основанному на правилах».

Место Китая в актуальном нарративе НАТО. Несмотря на то что переоценка международно-политических условий и своей роли в них началась в НАТО еще в середине 2010-х годов, для закрепления китайского фактора в официальном дискурсе объединения потребовалось время, что можно объяснить как раз не вполне очевидной объективностью угрозы со стороны Пекина для безопасности стран альянса. Впервые КНР появилась в коммюнике саммита Североатлантического совета в 2019 г. в следующей формулировке: «... рост Китая в международных процессах представляет собой *вызов и возможность* для альянса и требует коллективной реакции»⁴⁵. После этого начался процесс соотнесения этих категорий между собой для выработки обоснования необходимости перехода к дистанцированию от КНР.

⁴³ Brussels Summit Communiqué // North Atlantic Treaty Organization. 01.07.2022. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_185000.htm (accessed: 08.02.2024).

⁴⁴ NATO Deputy Secretary General at Leangkollen Security Conference: We must invest in defence, reduce vulnerabilities // North Atlantic Treaty Organization. 06.02.2023. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natolive/news_211448.htm?selectedLocale=en (accessed: 08.08.2024); Speech by NATO Secretary General Jens Stoltenberg at the Heritage Foundation followed by audience Q&A // North Atlantic Treaty Organization. 31.01.2024. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_222258.htm?selectedLocale=en (accessed: 11.02.2024).

⁴⁵ London Declaration. Issued by the heads of state and government participating in the meeting of the North Atlantic Council in London...

До 2022 г. политизация китайского фактора производилась за счет апелляции к роли КНР в развитии нетрадиционных угроз безопасности. Так, в докладе экспертной группы #NATO2030 указано, что «напористость» (*assertiveness*) Китая, его практики «принуждения» (*coercion*) вступают в противоречие с евро-атлантическим видением глобального управления, а в таких сферах, как киберпространство, критическая инфраструктура, космос, телекоммуникации и т.д., стороны становятся соперниками⁴⁶. Такая риторика была направлена на преодоление расхождений позиций США и стран ЕС по отношению к Китаю и на уточнение идентичности альянса в целом, наращивание общей «стрессоустойчивости»⁴⁷. Она могла бы способствовать обоснованию дальнейшего расширения зоны ответственности НАТО в Азиатско-Тихоокеанском регионе, если бы удалось объединить союзников на антикитайской основе. В Стратегической концепции 2022 г. китайский фактор был интерпретирован в логике традиционных угроз безопасности блока: в тексте указано, что расширение глобального присутствия Китая и непрозрачность его намерений, стремление к подрыву существующего миропорядка, в том числе в киберпространстве, в космосе и на море, наносят ущерб непосредственной безопасности альянса⁴⁸.

С тех пор Китай постоянно присутствует в выступлениях представителей НАТО как значимый «чужой». Эта установка закрепляется за счет повторяемой триады из концепции, что «КНР является вызовом ценностям, интересам и безопасности [альянса]»⁴⁹. Аналогичны по смыслу и цели и высказывания о том, что Китай «не разделяет ценности и образ жизни [альянса]»⁵⁰, выступает «альтернативной моделью организации обществ»⁵¹, «бросает вызов самой природе

⁴⁶ NATO 2030: United for a New Era...

⁴⁷ Ibidem.

⁴⁸ NATO 2022 Strategic Concept...

⁴⁹ Ibidem.

⁵⁰ Interview with NATO Secretary General Jens Stoltenberg by Deutsche Welle journalist Sarah Kelly at the Koerber Stiftung's annual Berlin Foreign Policy Forum // North Atlantic Treaty Organization. 19.10.2022. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_208041.htm?selectedLocale=en (accessed: 08.02.2024).

⁵¹ Remarks by NATO Deputy Secretary General Mircea Geoană at the Milken Institute Global Conference during the panel 'From European Dream to Reality' // North Atlantic Treaty Organization. 04.05.2023. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_214261.htm (accessed: 08.02.2024).

обществ [альянса]»⁵², а с недавних пор — и экономике блока⁵³. Как правило, эти заявления сопровождаются уточнением, что Китай «не является врагом» НАТО⁵⁴, но не во всех случаях. На основе анализа более 80 выступлений генерального секретаря альянса Й. Столтенберга и его заместителя М. Джоанэ в 2022 — начале 2024 г. можно выделить несколько ключевых нарративов секьюритизации китайского фактора в евро-атлантической повестке.

Основной нарратив, направленный на закрепление за КНР статуса государства, представляющего для НАТО общую угрозу, с 2022 г. связан с российско-китайским сотрудничеством⁵⁵. Это вполне объяснимо, поскольку позволяет использовать сложившийся в объединении антироссийский консенсус и масштабировать его на взаимодействие с контрагентом в Азии, тем самым продемонстрировав взаимосвязь между региональной и глобальной безопасностью⁵⁶. «Россия — наиболее насыщенный, но Китай — наиболее серьезный вызов в долгосрочной перспективе», — утверждают представители НАТО⁵⁷.

Российский и китайский факторы воспринимались в связке еще в докладе экспертной группы 2020 г., где предлагалось создать отдел

⁵² Speech by NATO Deputy Secretary General Mircea Geoană at NATO's first annual Data and AI Leaders' Conference // North Atlantic Treaty Organization. 08.11.2022. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_208823.htm (accessed: 08.02.2024).

⁵³ Doorstep statement by NATO Secretary General Jens Stoltenberg ahead of the Meeting of NATO ministers of foreign affairs, Bucharest, Romania // North Atlantic Treaty Organization. 29.11.2022. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_209377.htm (accessed: 08.02.2024).

⁵⁴ Joint press conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg and the Chancellor of the Federal Republic of Germany, Olaf Scholz // North Atlantic Treaty Organization. 01.12.2022. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_209890.htm (accessed: 08.02.2024).

⁵⁵ Press conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg after the meeting of the North Atlantic Council on Poland // North Atlantic Treaty Organization. 16.11.2022. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_209063.htm (accessed: 08.02.2024); The Secretary General's annual report, 2023 // North Atlantic Treaty Organization. 14.03.2024. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_223291.htm?selectedLocale=en (accessed: 01.04.2024).

⁵⁶ Joint press conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg with the President of the Czech Republic, Petr Pavel // North Atlantic Treaty Organization. 19.04.2023. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_214014.htm (accessed: 08.02.2024).

⁵⁷ Speech by NATO Secretary General Jens Stoltenberg at the Heritage Foundation followed by audience Q&A...

анализа взаимодействия Москвы и Пекина в рамках Совместного подразделения НАТО по разведке и наращиванию стрессоустойчивости, однако специальная военная операция России на Украине открыла для руководства альянса возможность использовать российско-китайское сотрудничество в качестве аргумента для дальнейшей секьюритизации КНР⁵⁸. Апелляция к потенциальному формированию союза Пекина и Москвы выступает также в качестве одного из обоснований необходимости углубления взаимодействия с партнерами в Азиатско-Тихоокеанском регионе, является рефреном встреч руководства альянса с представителями Австралии, Новой Зеландии, Южной Кореи и Японии⁵⁹. Наконец, сопоставление РФ и КНР в дискурсе НАТО позволяет также секьюритизировать экономическое взаимодействие государств альянса с Пекином в попытке повлиять на страны ЕС: в качестве примера приводится критическая зависимость европейских стран от российских энергоносителей, которая в случае конфликта привела бы к шоковым последствиям для их экономики. Представители альянса отмечают, что КНР производит 70% батарей для электромобилей и 80% солнечных панелей в мире⁶⁰, а это создает столь же опасную зависимость уже в сфере возобновляемых источников энергии и требует превентивных мер по снижению закупок в Китае редкоземельных металлов⁶¹, сокращению

⁵⁸ The Secretary General's Annual Report, 2022 // North Atlantic Treaty Organization. Available at: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2023/3/pdf/sgar22-en.pdf (accessed: 08.02.2024); Opening remarks by NATO Secretary General Jens Stoltenberg at the meeting of the North Atlantic Council in foreign ministers session with Sweden // North Atlantic Treaty Organization. 05.04.2023. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_213472.htm?selectedLocale=en (accessed: 08.02.2024).

⁵⁹ Statement of the NATO Secretary General with representatives of Australia, New Zealand, Japan and South Korea // North Atlantic Treaty Organization. 05.04.2023. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_213474.htm (accessed: 08.02.2024); NATO Deputy Secretary General stresses closer cooperation with Indo-Pacific partners // North Atlantic Treaty Organization. 21.04.2023. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_214056.htm?selectedLocale=en (accessed: 08.02.2024).

⁶⁰ Speech by NATO Secretary General Jens Stoltenberg at the 75th Nordic Council in Oslo, Norway // North Atlantic Treaty Organization. 31.10.2023. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_219722.htm (accessed: 08.02.2024).

⁶¹ NATO Deputy Secretary General at Leangkollen Security Conference...: Speech by NATO Deputy Secretary General Mircea Geoană at an event organized by the Institute of International and European Affairs // North Atlantic Treaty Organization. 06.03.2023. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_212478.htm (accessed: 08.02.2024).

доступа КНР к критической инфраструктуре ЕС⁶², диверсификации экономических партнеров⁶³.

Второй нарратив, связанный с секьюритизацией уже непосредственно китайских действий, как представляется, направлен на формирование образа «чужого» в лице КНР. В его рамках дискурс безопасности конструируется за счет продвижения идеи «приближения Китая к границам НАТО»⁶⁴, которое еще недавно воспринимали как возможность для сотрудничества. В качестве примеров выступают реализация китайской инициативы «Один пояс, один путь» на Западных Балканах и в Африке, вовлеченность Китая в миротворческие процессы на Ближнем Востоке, его интерес к освоению Арктики⁶⁵ и миссии по патрулированию морских пространств⁶⁶. Расширение географического охвата внешних действий Пекина представители НАТО связывают с ростом военного потенциала КНР, в том числе ядерного, стремлением установить опосредованный контроль над новыми территориями, использовать практику «принуждения» в отношении третьих стран в интересах укрепления глобального влияния⁶⁷. Примечательно, что более очевидный, на первый взгляд, с точки зрения критики применения Китаем военной силы регион Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей реже упоминается в выступлениях руководителей НАТО, чем более близкие к границам альянса пространства. Можно предположить, что на этапе, когда глобальная идентичность блока окончательно не сформирована, акцентирование физического приближения по-

⁶² Doorstep statement by NATO Secretary General Jens Stoltenberg ahead of the Meeting of NATO ministers of foreign affairs, Bucharest, Romania...

⁶³ Opening speech by NATO Secretary General Jens Stoltenberg at the Aspen — GMF Bucharest Forum // North Atlantic Treaty Organization. 29.11.2022. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_209375.htm (accessed: 08.02.2024).

⁶⁴ Remarks — Securing an insecure world. Panel discussion with NATO Secretary General Jens Stoltenberg at the World Economic Forum in Davos, Switzerland // North Atlantic Treaty Organization. 16.01.2024. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_221713.htm (accessed: 08.02.2024).

⁶⁵ 'Arctic remains essential to NATO's Deterrence and Defence Posture', says Chair of the NATO Military Committee // North Atlantic Treaty Organization. 22.10.2023. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_219529.htm (accessed: 08.02.2024).

⁶⁶ Opening speech by NATO Secretary General Jens Stoltenberg at the Aspen — GMF Bucharest Forum...

⁶⁷ Speech by NATO Secretary General Jens Stoltenberg at the 75th Nordic Council in Oslo, Norway...

тенциального «чужого» к собственным рубежам более эффективно создает иллюзию опасности, по мнению лидеров НАТО, чем апелляция к необходимости контролировать удаленные регионы мира.

Третий нарратив в рамках антикитайского дискурса НАТО связан с продвижением идеи об уже существующем соперничестве КНР и стран Запада в общих пространствах и об исходящих от Китая новых вызовах безопасности. Прежде всего, внимание альянса по-прежнему сосредоточено на растущей активности Пекина в киберпространстве. Представители НАТО подчеркивают, что возможности КНР в сферах искусственного интеллекта и других прорывных технологий⁶⁸ представляют собой угрозу не только как конкурентное преимущество Китая, но и как первая в истории попытка оспорить технологическое превосходство Запада, внедрить альтернативные принципы информационной политики⁶⁹, а значит, противодействие КНР необходимо не ради ситуативных интересов, но ради «мира, в котором будут жить наши дети и внуки»⁷⁰. Соответственно конкуренция приобретает аксиологический характер.

На основе анализа документов альянса и выступлений его представителей за 2022–2024 гг. можно сделать вывод, что хотя антикитайские нарративы стали неотъемлемой частью официального дискурса НАТО, их убедительность ограничена. Это подтверждается тем, что за рассмотренный период эти нарративы практически не эволюционировали: в попытках обосновать необходимость ужесточения позиции блока по отношению к КНР политики воспроизводят одни и те же смысловые конструкции, связанные с ценностями и альтернативной моделью организации обществ, а также с приближением Китая к границам альянса. Повторение идентичных формулировок, вероятно, призвано работать на закрепление дискурса, но на практике приводит к его рутинизации и выхолащива-

⁶⁸ Pre-ministerial press conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg ahead of the meetings of NATO Ministers of Foreign Affairs // North Atlantic Treaty Organization. 27.11.2023. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_220650.htm (accessed: 08.02.2024).

⁶⁹ Speech by NATO Secretary General Jens Stoltenberg at the first annual NATO Cyber Defence Conference // North Atlantic Treaty Organization. 10.11.2023. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_219806.htm (accessed: 08.02.2024).

⁷⁰ Speech by NATO Deputy Secretary General Mircea Geomană at NATO's first annual Data and AI Leaders' Conference...

нию. Логично, что в отсутствие подтверждений наличия реальной угрозы в действиях КНР внимание НАТО направлено на отработку вспомогательного аргумента о развитии российско-китайского сотрудничества как фактора, снижающего безопасность объединения.

Под влиянием описанных нарративов стратегический диалог КНР и НАТО, хотя и не прекратился, ожидаемо не получил и дополнительного импульса. В феврале 2023 г. впервые после начала пандемии COVID-19 состоялся седьмой раунд переговоров военных ведомств: на повестке дня были ситуация вокруг Украины, вопросы морской безопасности, новая Стратегическая концепция НАТО и военная модернизация в КНР⁷¹. В 2024 г. переговоры состоялись в восьмой раз, но ни их повестка, ни формулировки итогового пресс-релиза не изменились⁷². Никаких свидетельств укрепления взаимопонимания сторон в открытых источниках не прослеживается. Контакты по дипломатической линии⁷³ также ограничиваются российской проблематикой и ситуацией вокруг Тайваня⁷⁴. В сущности, взаимодействие является скорее эпизодическим и носит протокольный характер.

Целевая аудитория актуального дискурса и идентичность альянса. Идею о необходимости разработки антикитайских нарративов для обновления евро-атлантической идентичности подтверждает и тот факт, что их целевой аудиторией в развитие положений #NATO2030 об укреплении евро-атлантической солидарности⁷⁵ выступают в первую очередь европейские страны блока. На встречах с лидерами государств ЕС, представителями Европейской комиссии⁷⁶ или в выступлениях

⁷¹ NATO hosts 7th military staff talks with China // North Atlantic Treaty Organization. 27.02.2023. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_212296.htm (accessed: 08.02.2024).

⁷² 8th NATO military staff talks with China // North Atlantic Treaty Organization. 13.03.2024. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_223651.htm?selectedLocale=en (accessed: 01.04.2024).

⁷³ NATO Secretary General meets Chinese Foreign Minister in New York NATO-China bilateral meeting // North Atlantic Treaty Organization. 23.09.2022. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_207607.htm (accessed: 08.02.2024).

⁷⁴ NATO Deputy Secretary General meets new Chinese ambassador // North Atlantic Treaty Organization. 11.01.2023. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_210521.htm?selectedLocale=en (accessed: 08.02.2024).

⁷⁵ Remarks by NATO Secretary General Jens Stoltenberg on launching #NATO2030...

⁷⁶ European Internal Market Commissioner Thierry Breton visits NATO // North Atlantic Treaty Organization. 16.12.2022. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_210111.htm?selectedLocale=en (accessed: 08.02.2024).

генерального секретаря НАТО и его заместителя перед европейскими партнерами китайская тема поднимается практически всегда, и акцент делается именно на сохранении «стратегической солидарности» перед лицом «принудительных практик» Китая⁷⁷.

Показательно, однако, что при взаимодействии со странами альянса, в наибольшей степени заинтересованными в сотрудничестве с КНР, прежде всего с Германией⁷⁸, позиция НАТО становится более гибкой. Политики начинают активно использовать экономическую проблематику, озвучивают возможность поддержания ограниченного сотрудничества или, например, диалога по защите окружающей среды⁷⁹. Это отличает такие встречи от переговоров с американскими партнерами, где дискурс становится более жестким и центрируется вокруг военных потенциалов⁸⁰. Результаты этих усилий неоднозначны. С одной стороны, в Совместной декларации о сотрудничестве ЕС и НАТО 2023 г. было закреплено, что «растущая напористость» Китая бросает вызов всему западному сообществу, в то время как НАТО остается его опорой в области обороны от всего спектра угроз⁸¹. С другой стороны, на уровне общественного мнения конструирование угрозы идет с переменным успехом: только 54% респондентов по состоянию

⁷⁷ NATO Deputy Secretary General underlines importance of 'strategic solidarity' between Europe and North America // North Atlantic Treaty Organization. 11.10.2022. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_208097.htm?selectedLocale=en (accessed: 08.02.2024).

⁷⁸ Joint press conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg and the Chancellor of the Federal Republic of Germany, Olaf Scholz...

⁷⁹ Pre-ministerial press conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg ahead of the meetings of NATO Ministers of Foreign Affairs...; Speech by NATO Secretary General Jens Stoltenberg at the 75th Nordic Council in Oslo, Norway...; Speech by NATO Secretary General Jens Stoltenberg at the Day of Industry, organised by the Federation of German Industries // North Atlantic Treaty Organization. 19.06.2023. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_216080.htm (accessed: 08.02.2024).

⁸⁰ Short remarks with NATO Secretary General Jens Stoltenberg and the US Secretary of State, Antony J. Blinken at the start of the NATO Foreign Ministers' meetings // North Atlantic Treaty Organization. 23.03.2021. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_182571.htm (accessed: 08.02.2024).

⁸¹ Joint Declaration on EU-NATO Cooperation by the President of the European Council, the President of the European Commission, and the Secretary General of the North Atlantic Treaty Organization // North Atlantic Treaty Organization. 09.01.2023. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_210549.htm (accessed: 08.02.2024).

на 2023 г. относятся к Китаю негативно⁸². На правительственном уровне позиция европейских стран также остается амбивалентной: после того как конфликт вокруг Украины вошел в позиционную фазу и острота восприятия Москвы и Пекина как единого общего вызова снизилась, в дискурс НАТО вернулось положение, что торговля и взаимодействие с КНР будут продолжены⁸³ в соответствии с европейским подходом по «снижению рисков».

Вторая по частоте апелляции и важности референтная группа для НАТО — это союзники и партнеры в Азии⁸⁴. Основная тема встреч руководства альянса с представителями Японии, Южной Кореи, Австралии и Новой Зеландии — равнозначная актуальность для блока проблем безопасности в Евро-Атлантическом и Азиатско-Тихоокеанском регионах, а также потенциальная роль КНР в ее дестабилизации⁸⁵. Вместе с тем коммуникация с азиатскими партнерами — это скорее задел на средне- и долгосрочную перспективу развития альянса. Сегодня представители НАТО подчеркивают, что сфера ответственности объединения ограничивается региональным масштабом, а расширение за счет новых членов из Азии или иная форма институционализации сотрудничества не рассматривается. Партнерство с ними развивается на основе индивидуально разработанных программ⁸⁶. Такая позиция позволяет НАТО учитывать неготовность членов альянса, интересы которых в области безопасности имеют сугубо локальный масштаб, например балканских государств или стран Центральной и Восточной Европы, к включению

⁸² Pre-Summit polling results show strong support for NATO and for continued assistance to Ukraine // North Atlantic Treaty Organization. 07.07.2023. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_216717.htm?selectedLocale=en (accessed: 08.02.2024).

⁸³ The Secretary General's annual report, 2023...

⁸⁴ Speech by NATO Deputy Secretary General Mircea Geoană at the 69th annual session of the NATO Parliamentary Assembly // North Atlantic Treaty Organization. 09.10.2023. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_219093.htm (accessed: 08.02.2024).

⁸⁵ Joint Press conference with NATO Secretary General Jens Stoltenberg and the US Secretary of State, Antony J. Blinken // North Atlantic Treaty Organization. 30.01.2024. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_222201.htm (accessed: 08.02.2024); Joint press conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg with the President of the Czech Republic, Petr Pavel...; NATO Deputy Secretary General stresses closer cooperation with Indo-Pacific partners...

⁸⁶ Pre-Summit polling results show strong support for NATO and for continued assistance to Ukraine...

в обеспечение безопасности в Азии, но одновременно создает фундамент для возвращения к идее глобализации сферы ответственности блока в будущем, если международно-политические условия будут благоприятными.

Таким образом, в текущем виде дискурс о КНР и его применение в отношении различных реципиентов не свидетельствуют о переходе идентичности НАТО в глобальное качество и готовности Североатлантического альянса к радикальной трансформации самопредставлений и изменению общих практик в направлении наращивания активности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Напротив, этот дискурс показывает, что именно акцентирование регионального характера организации является главным, если не единственным фактором, стимулирующим центростремительные тенденции.

* * *

Формирование образа Китая как «чужого» или «значимого другого» для НАТО началось во второй половине 2010-х годов в целях укрепления и масштабирования расширенной идентичности Североатлантического альянса как гаранта глобальной безопасности. Переход от сотрудничества с КНР в рамках управления кризисами в регионах, представляющих общий интерес, таких как Афганистан, Африканский Рог или Центральная Азия, к политизации, а затем и секьюритизации действий Пекина на этих пространствах и в глобальном масштабе стал производным от изменения международно-политических условий и логики развития взаимодействия между ключевыми игроками. Рост великодержавной конкуренции привел к тому, что поддержание глобальной роли альянса потребовало формирования среди государств-членов убежденности в необходимости уже не только проведения операций по урегулированию конфликтов в различных регионах мира и противодействия новым вызовам в них, но и полноценной способности соперничать с другими растущими центрами силы. «Китайская угроза» должна была стать элементом закрепления и воспроизводства такой идентичности.

Вместе с тем переход конфликта России и Запада в новую фазу в 2022 г. привел к тому, что наиболее эффективной в консолидации стран альянса оказалась конвенциональная «угроза» со стороны Москвы, которая способствовала как минимум временному вос-

становлению высокой степени сплоченности НАТО на основе идентичности как регионального военного-политического объединения. Для сохранения общности дополнительная «китайская угроза» не требуется. Неслучайно после обозначения КНР в качестве вызова в Стратегической концепции альянса 2022 г. антикитайский дискурс практически не развивается с содержательной точки зрения, а его наиболее устойчивым элементом становится нарратив об опасности укрепления партнерства Москвы и Пекина. Другим значимым нарративом представляется «угроза» попадания стран ЕС в экономическую и технологическую зависимость от Китая, аналогичную существовавшей «зависимости» от поставок энергоносителей из России. Такая риторика направлена на преодоление частично сохраняющихся кооперационных тенденций в европейско-китайских отношениях и в перспективе — на унификацию реакции всех стран альянса на «возвышение» КНР.

Соответственно сегодня фокус на сдерживании России и участии в вооруженном конфликте в Европе препятствует трансформации коллективной идентичности НАТО в сторону глобальной и концентрации альянса на противостоянии с КНР. Смягчение внутренних разногласий на фоне общей угрозы в лице Москвы укрепило внутреннюю сплоченность членов блока, но при учете возвращения самопредставлений на региональный уровень смысл секьюритизации Китая пока остается размытым.

При том что стратегически руководство НАТО всё еще заглядывает вперед и прощупывает почву для идеологического оформления соперничества с КНР, тактически на ближайшую перспективу альянс будет сосредоточен именно на региональной повестке как по объективным причинам, связанным с вооруженным конфликтом в Европе, так и на фоне сохраняющихся различий в степени политизации «китайской угрозы» между США и европейскими странами НАТО. Наконец, определенную роль играет и сам факт недостаточной проработки антикитайского дискурса, его внутренняя противоречивость. По этим причинам окончательная секьюритизация Китая в евро-атлантической повестке не может произойти до завершения конфликта вокруг Украины и будет во многом зависеть от его исхода. В случае поражения стран НАТО претендовать на глобальную идентичность и обосновать ее будет еще сложнее, чем сейчас.

Вместе с тем в целях уточнения прогнозов относительно перспектив восстановления и укрепления глобальной идентичности Североатлантического альянса за счет «китайской угрозы» в будущем требуется дополнительное исследование влияния национальных интересов государств-членов на официальный дискурс НАТО и впоследствии — на общие практики. В развитие конструктивистской идеи о том, что основу коллективной идентичности, как правило, составляет дискурс наиболее убедительного и/или наиболее сильного члена сообщества, особого внимания заслуживает соотнесение национальных повесток США и европейских стран НАТО о Китае. Но эти вопросы заслуживают отдельного рассмотрения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батюк В.И. США — КНР: стратегический баланс // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2022. Т. 15. № 4. С. 390–404. DOI: 10.21638/spbu06.2022.403.

2. Данилов Д.А. Глобальные горизонты атлантического альянса: «вакцина» Байдена // Современная Европа. 2021. № 5 (105). С. 19–31. DOI: 10.15211/soveurope520211931.

3. Ермаков С.М. Фактор Китая в новой Стратегической концепции НАТО // Проблемы национальной стратегии. 2022. № 6 (75). С. 130–167. DOI: 10.52311/2079-3359_2022_6_130.

4. Истомина И.А. Оправдание вмешательства? Роль «доктрины Монро» в легитимации и стигматизации интервенционизма в политике США в XIX — начале XX в. // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. № 3. С. 11–55. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-3-11-55.

5. Истомина И.А., Болгова И.В., Сушенцов А.А., Ребро О.И. Логика эволюции НАТО: достижения и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 1. С. 26–34. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-1-26-34.

6. Левандовский Н.В. Влияние США и НАТО на формирование внешней политики Европейского союза // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 12 (88). С. 4347–4356. DOI: 10.35775/PSI.2022.88.12.028.

7. Мельникова Ю.Ю. В поисках оптимальной архитектуры европейской безопасности: ЕС и НАТО — вместе или вместо? // Международная аналитика. 2021. Т. 12. № 3. С. 87–104. DOI: 10.46272/2587-8476-2021-12-3-87-104.

8. Приходько О.В. США — Европа: китайский фактор и пределы трансатлантической солидарности // США и Канада: экономика, политика, культура. 2019. Т. 49. № 4. С. 5–30. DOI: 10.31857/S032120680004355-4.

9. Accommodating rising powers: Past, present, and future / Ed. by T.V. Paul. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.

10. Bechná Z., Thayer B.A. The alliance's response to a rising China NATO's new role // Naval War College Review. 2016. Vol. 69. No. 3. P. 65–82.

11. Buzan B., Schouenborg L. Global international society: A new framework for analysis. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.

12. Buzan B., Wæver O., Wilde de J. Security: A new framework for analysis. Boulder; London: Lynne Rienner Publishers, 1998.

13. Campbell D. Writing security: United States foreign policy and the politics of identity. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1992.

14. Casarini N. A critical analysis of European Union foreign policy towards China (1995–2005). PhD Thesis. London: London School of Economics and Political Science, 2006. Available at: <https://etheses.lse.ac.uk/1922/1/U221954.pdf> (accessed: 08.02.2024).

15. Deutsch K.W. et al. Political community and the North Atlantic area: International organizations in the light of historical experiences. Princeton: Princeton University Press, 1957.

16. Dittmer J. NATO, the EU and Central Europe: Differing symbolic shapes in newspaper accounts of enlargement // Geopolitics. 2005. Vol. 10. No. 1. P. 76–98. DOI: 10.1080/14650040590907677.

17. Ethnic groups and boundaries: The social organization of culture difference / Ed. by F. Barth. Boston: Little, Brown and Company, 1969.

18. Ham van P. The rise of the brand state: The postmodern politics of image and reputation // Foreign Affairs. 2001. Vol. 80. No. 5. P. 2–6. DOI: 10.2307/20050245.

19. Heisbourg F. NATO 4.0: The Atlantic alliance and the rise of China // Survival. 2020. Vol. 62. No. 2. P. 83–102. DOI: 10.1080/00396338.2020.1739950.

20. Hemmer C., Katzenstein P.J. Why is there no NATO in Asia? Collective identity, regionalism, and the origins of multilateralism // International Organization. 2002. Vol. 56. No. 3. P. 575–607. DOI: 10.1162/002081802760199890.

21. Hendrickson R.C. Albania and NATO: Regional security and selective intervention // Security Dialogue. 1999. Vol. 30. No. 1. P. 109–116. DOI: 10.1177/0967010699030001010.

22. Herold E., Schmitt O., Sloan S. NATO's strategic concept: Responding to Russia and China // Defence Studies. 2022. Vol. 22. No. 3. P. 558–563. DOI: 10.1080/14702436.2022.2082949.

23. Hooft van P. China and the Indo-Pacific in the 2022 NATO Strategic Concept // Atlantisch Perspectief. 2022. Vol. 46. No. 4. P. 46–50. Available at:

<https://hcass.nl/wp-content/uploads/2022/09/AP4-2022-Van-Hooft.pdf> (accessed: 25.03.2024).

24. Karber P.A., Combs J.A. The United States, NATO, and the Soviet threat to Western Europe: Military estimates and policy options, 1945–1963 // *Diplomatic History*. 1998. Vol. 22. No. 3. P. 399–429. DOI: 10.1111/1467-7709.00126.

25. Kitchen V.M. Argument and identity change in the transatlantic security community // *Security Dialogue*. 2009. No. 40. No. 1. P. 95–114. DOI: 10.1177/0967010608100849.

26. Krause K., Williams M.C. Broadening the agenda of security studies: Politics and methods // *Mershon International Studies Review*. 1996. Vol. 40. No. 2. P. 229–254. DOI: 10.2307/222776.

27. Michaels J.H. ‘A very different kind of challenge’? NATO’s prioritization of China in historical perspective // *International Politics*. 2022. Vol. 59. P. 1045–1064. DOI: 10.1057/s41311-021-00334-z.

28. Morrow J.D. Arms versus allies: Trade-offs in the search for security // *International Organization*. 1993. Vol. 47. No. 2. P. 207–233. DOI: 10.1017/S0020818300027922.

29. Pouliot V. The alive and well transatlantic security community: A theoretical reply to Michael Cox // *European Journal of International Relations*. 2006. Vol. 12. No. 1. P. 119–127. DOI: 10.1177/1354066106061332.

30. Rühlig T.N. China’s technical standardization power — A challenge for NATO? // *International Journal*. 2023. Vol. 78. No. 4. P. 625–633. DOI: 10.1177/00207020231217117.

31. Rynning S. NATO’s struggle for a China policy: Alliance, alignment, or abdication? // *Asian Affairs*. 2022. Vol. 53. No. 3. P. 481–499. DOI: 10.1080/03068374.2022.2074729.

32. *Security communities* / Ed. by E. Adler, M. Barnett. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

33. Shambaugh D. China and Europe // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1992. Vol. 519. P. 101–114.

34. Vankovska B. Heading towards a global NATO: Piquing China? // *Voprosy politologii*. 2022. Vol. 12. No. 12 (88). P. 4239–4250. DOI: 10.35775/PSI.2022.88.12.018.

35. Wallander C.A. Institutional assets and adaptability: NATO after the Cold War // *International Organization*. 2000. Vol. 54. No. 4. P. 705–735. DOI: 10.1162/002081800551343.

36. Waltz K.N. Structural realism after the Cold War // *International Security*. 2000. Vol. 25. No. 1. P. 5–41. DOI: 10.1162/016228800560372.

37. Williams M.C., Neumann I.B. From alliance to security community: NATO, Russia and the power of identity // *Journal of International Studies*. 2000. Vol. 29. No. 2. P. 357–387. DOI: 10.1177/03058298000290020801.

38. Wæver O. Insecurity, security, and asecurity in the West European non-war community // *Security communities* / Ed. by E. Adler, M. Barnett. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 69–118.

39. Yi S., Yang C. China-NATO relations: History and reality // *BRIQ Belt & Road Initiative Quarterly*. 2023. Vol. 4. No. 3. P. 26–37.

REFERENCES

1. Batyuk V.I. 2020. SShA — KNR: strategicheskii balans [USA — China: Strategic balance]. *Vestnik of Saint Petersburg University, International Relations*, vol. 15, no. 4, pp. 390–404. DOI: 10.21638/spbu06.2022.403. (In Russ.)

2. Danilov D.A. 2021. Global'nye gorizonty atlanticheskogo al'yansa: 'vaktina' Baidena [Global horizons of the Atlantic alliance: The Biden 'vaccine']. *Contemporary Europe*, no. 5 (105), pp. 19–31. DOI: 10.15211/soveurope520211931. (In Russ.)

3. Ermakov S.M. 2022. Faktor Kitaya v novoi Strategicheskoi kontseptsii NATO [The China factor in NATO's new strategic concept]. *National Strategy Issues*, no. 6 (75), pp. 130–167. DOI: 10.52311/2079-3359_2022_6_130. (In Russ.)

4. Istomin I.A. 2023. Opravdanie vmeshatel'stva? Rol' 'doktriny Monro' v legitimatsii i stigmatizatsii intervensionizma v politike SShA v XIX — nachale XX v. [Justification for interference? The role of the Monroe doctrine in the stigmatization and legitimation of intervention in the U.S. foreign policy in the 19th and early 20th centuries]. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 15, no. 3, pp. 11–55. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-3-11-55. (In Russ.)

5. Istomin I.A., Bolgova I.V., Sushentsov A.A., Rebro O.I. 2020. Logika evolyutsii NATO: dostizheniya i perspektivy [Patterns of NATO evolution: Achievements and prospects]. *World Economy and International Relations*, vol. 64, no. 1, pp. 26–34. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-1-26-34. (In Russ.)

6. Levandovskii N.V. 2022. Vliyanie SShA i NATO na formirovanie vneshnei politiki Evropeiskogo soyuza [US and NATO influence on the formation of the European union's foreign policy]. *Political Science Issues*, vol. 12, no. 12 (88), pp. 4347–4356. DOI: 10.35775/PSI.2022.88.12.028. (In Russ.)

7. Mel'nikova Yu.Yu. 2021. V poiskakh optimal'noi arkhitektury evropeiskoi bezopasnosti: ES i NATO — vmeste ili vmesto? [Looking for the optimum security architecture in Europe: EU and NATO — together or apart?]. *Journal of International Analytics*, vol. 12, no. 3, pp. 87–104. DOI: 10.46272/2587-8476-2021-12-3-87-104. (In Russ.)

8. Prikhod'ko O.V. 2019. SShA — Evropa: kitaiskii faktor i predely transatlanticheskoi solidarnosti [The United States — Europe: The Chinese variable and

limits of transatlantic solidarity]. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, vol. 49, no. 4, pp. 5–30. DOI: 10.31857/S032120680004355-4. (In Russ.)

9. Paul T.V. (ed.). 2016. *Accommodating rising powers: Past, present, and future*. Cambridge, Cambridge University Press.

10. Bechná Z., Thayer B.A. 2016. The alliance's response to a rising China NATO's new role. *Naval War College Review*, vol. 69, no. 3, pp. 65–82.

11. Buzan B., Schouenborg L. 2018. *Global international society: A new framework for analysis*. Cambridge, Cambridge University Press.

12. Buzan B., Wæver O., Wilde de J. 1998. *Security: A new framework for analysis*. Boulder, London, Lynne Rienner Publishers.

13. Campbell D. 1992. *Writing security: United States foreign policy and the politics of identity*. Minneapolis, University of Minnesota Press.

14. Casarini N. 2006. *A critical analysis of European Union foreign policy towards China (1995–2005)*. PhD Thesis. London, London School of Economics and Political Science. Available at: <https://etheses.lse.ac.uk/1922/1/U221954.pdf> (accessed: 08.02.2024).

15. Deutsch K.W. et al. 1957. *Political community and the North Atlantic area: International organizations in the light of historical experiences*. Princeton, Princeton University Press.

16. Dittmer J. 2005. NATO, the EU and Central Europe: Differing symbolic shapes in newspaper accounts of enlargement. *Geopolitics*, vol. 10, no. 1, pp. 76–98. DOI: 10.1080/14650040590907677.

17. Barth F. (ed.). 1969. *Ethnic groups and boundaries: The social organization of culture difference*. Boston, Little, Brown and Company.

18. Ham van P. 2001. The rise of the brand state: The postmodern politics of image and reputation. *Foreign Affairs*, vol. 80, no. 5, pp. 2–6. DOI: 10.2307/20050245.

19. Heisbourg F. 2020. NATO 4.0: The Atlantic alliance and the rise of China. *Survival*, vol. 62, no. 2, pp. 83–102. DOI: 10.1080/00396338.2020.1739950.

20. Hemmer C., Katzenstein P.J. 2002. Why is there no NATO in Asia? Collective identity, regionalism, and the origins of multilateralism. *International Organization*, vol. 56, no. 3, pp. 575–607. DOI: 10.1162/002081802760199890.

21. Hendrickson R.C. 1999. Albania and NATO: Regional security and selective intervention. *Security Dialogue*, vol. 30, no. 1, pp. 109–116. DOI: 10.1177/0967010699030001010.

22. Herold E., Schmitt O., Sloan S. 2022. NATO's strategic concept: Responding to Russia and China. *Defence Studies*, vol. 22, no. 3, pp. 558–563. DOI: 10.1080/14702436.2022.2082949.

23. Hooft van P. 2022. China and the Indo-Pacific in the 2022 NATO Strategic Concept. *Atlantisch Perspectief*, vol. 46, no. 4, pp. 46–50. Available at: <https://hcss.nl/wp-content/uploads/2022/09/AP4-2022-Van-Hooft.pdf> (accessed: 25.03.2024).

24. Karber P.A., Combs J.A. 1998. The United States, NATO, and the Soviet threat to Western Europe: Military estimates and policy options, 1945–1963. *Diplomatic History*, vol. 22, no. 3, pp. 399–429. DOI: 10.1111/1467-7709.00126.

25. Kitchen V.M. 2009. Argument and identity change in the transatlantic security community. *Security Dialogue*, no. 40, no. 1, pp. 95–114. DOI: 10.1177/0967010608100849.

26. Krause K., Williams M.C. 1996. Broadening the agenda of security studies: Politics and methods. *Mershon International Studies Review*, vol. 40, no. 2, pp. 229–254. DOI: 10.2307/222776.

27. Michaels J.H. 2022. ‘A very different kind of challenge’? NATO’s prioritization of China in historical perspective. *International Politics*, vol. 59, pp. 1045–1064. DOI: 10.1057/s41311-021-00334-z.

28. Morrow J.D. 1993. Arms versus allies: Trade-offs in the search for security. *International Organization*, vol. 47, no. 2, pp. 207–233. DOI: 10.1017/S0020818300027922.

29. Pouliot V. 2006. The alive and well transatlantic security community: A theoretical reply to Michael Cox. *European Journal of International Relations*, vol. 12, no. 1, pp. 119–127. DOI: 10.1177/1354066106061332.

30. Rühlig T.N. 2023. China’s technical standardization power — A challenge for NATO? *International Journal*, vol. 78, no. 4, pp. 625–633. DOI: 10.1177/00207020231217117.

31. Rynning S. 2022. NATO’s struggle for a China policy: Alliance, alignment, or abdication? *Asian Affairs*, vol. 53, no. 3, pp. 481–499. DOI: 10.1080/03068374.2022.2074729.

32. Adler E., Barnett M. (eds.). 1998. *Security communities*. Cambridge, Cambridge University Press.

33. Shambaugh D. 1992. China and Europe. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 519, pp. 101–114.

34. Vankovska B. 2022. Heading towards a global NATO: Piquing China? *Voprosy politologii*, vol. 12, no. 12 (88), pp. 4239–4250. DOI: 10.35775/PSI.2022.88.12.018.

35. Wallander C.A. 2000. Institutional assets and adaptability: NATO after the Cold War. *International Organization*, vol. 54, no. 4, pp. 705–735. DOI: 10.1162/002081800551343.

36. Waltz K.N. 2000. Structural realism after the Cold War. *International Security*, vol. 25, no. 1, pp. 5–41. DOI: 10.1162/016228800560372.

37. Williams M.C., Neumann I.B. 2000. From alliance to security community: NATO, Russia and the power of identity. *Journal of International Studies*, vol. 29, no. 2, pp. 357–387. DOI: 10.1177/03058298000290020801.

38. Wæver O. 1998. Insecurity, security, and asecurity in the West European non-war community. In: Adler E., Barnett M. (eds.) *Security communities*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 69–118.

39. Yi S., Yang C. 2023. China-NATO relations: History and reality. *BRIQ Belt & Road Initiative Quarterly*, vol. 4, no. 3, pp. 26–37.

Статья поступила в редакцию 13.02.2024; одобрена после рецензирования
05.05.2024; принята к публикации 19.05.2024

The paper was submitted 13.02.2024; approved after reviewing 05.05.2024;
accepted for publication 19.05.2024